

Джеймс Оливер Кервуд

Бродяги Севера

#эксмодетство

Золотая полка мировой литературы

Джеймс Оливер Кервуд

Бродяги Севера

«ЭКСМО»

1919

УДК 822.111-93(73)
ББК 84(7Сое)-44

Кервуд Д.

Бродяги Севера / Д. Кервуд — «Эксмо», 1919 — (Золотая полка мировой литературы)

ISBN 978-5-04-198016-0

Известный роман Джеймса Оливера Кервуда «Бродяги Севера» — одно из лучших произведений мировой литературы о дикой природе. Удивительная дружба медвежонка и щенка, их совместная борьба за выживание, необыкновенные приключения, разлука и новая встреча полюбились нескольким поколениям читателей во всём мире. Яркие, реалистичные иллюстрации петербургского художника Владимира Канивца. В формате PDF А4 сохранен издательский макет.

УДК 822.111-93(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-198016-0

© Кервуд Д., 1919
© Эксмо, 1919

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	21
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Джеймс Оливер Кервуд

Бродяги Севера

Все права защищены. Книга или любая её часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или её части без согласия издателя является незаконным и влечёт уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© Гурова И., перевод, наследники, 2024

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

* * *

Глава 1

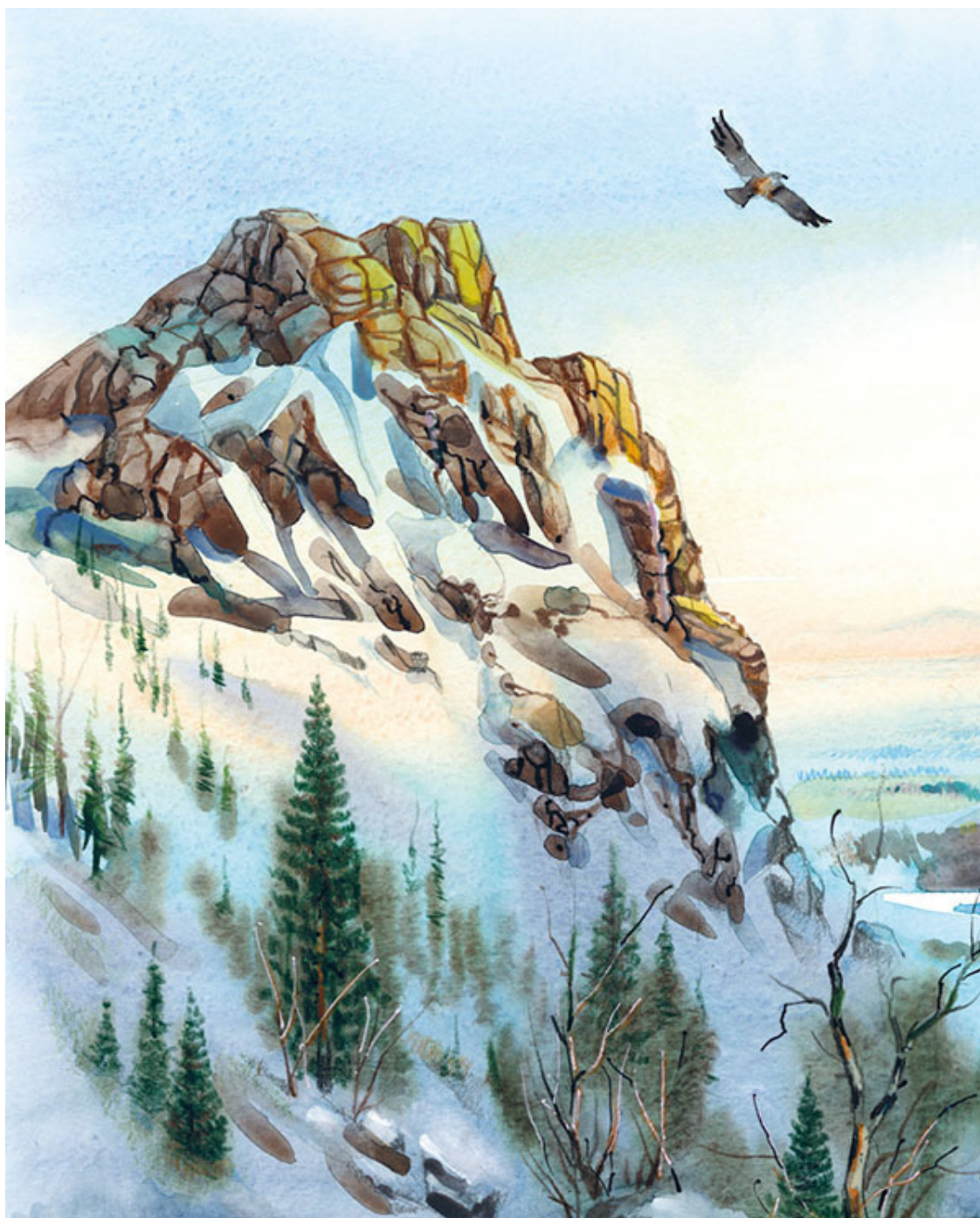
*Неева, маленький чёрный медвежонок,
впервые увидел мир,
в котором ему предстояло жить...*

Неева, маленький чёрный медвежонок, впервые увидел мир, в котором ему предстояло жить, в конце марта – на исходе Орлиного месяца. Нузак, его мать, была уже пожилой медведицей, а потому любила поспать подольше, чтобы понежить свои ревматические косточки. Вот почему в эту зиму – в зиму рождения маленького Неевы – она проспала не обычные три

месяца, а целых четыре, и Нееве, когда они вылезли из берлоги, было больше двух месяцев, хотя чаще всего медвежата начинают знакомство с лесной жизнью в шестинедельном возрасте.

Зимовала Нузак в пещере у гребня высокого каменистого холма, и вот с этого-то гребня Неева впервые посмотрел в долину. Вначале солнечные лучи совсем ослепили его глаза, до сих пор не знавшие ничего, кроме густого сумрака пещеры. И поэтому он услышал, почуял и ощутил множество самых разнообразных вещей раньше, чем увидел их. Впрочем, Нузак тоже словно растерялась, обнаружив за стенами пещеры солнечный свет и тепло вместо холода и снега, и долго стояла на вершине холма, нюхала ветер и оглядывала свои владения.

Уже две недели ранняя весна творила чудеса в прекрасном северном краю, который тянется с запада на восток от хребта Джексона до реки Шаматтава и с юга на север от озера Готс до реки Черчилл.

И сейчас этот край был великолепен. С высокой скалы, на которой они стояли, он походил на безбрежное солнечное море, и лишь кое-где ещё белели остатки высоких сугробов, наметённых зимними буранами. Их холм круто поднимался над широкой долиной. Повсюду перед ними, насколько хватал глаз, простирались синевато-чёрные полосы леса, мерцали озёра, ещё не сбросившие ледяной панцирь, блестели речки и ручьи и начинали зеленеть луга, над которыми поднимались благоуханные запахи земли. Нузак, чёрная медведица, жадно втягивала носом эти бодрящие запахи, обещавшие сытную и изобильную еду. Внизу, в долине, уже буйствовала жизнь. Почки на тополях набухли и должны были вот-вот развернуться, из тёмной почвы пробивались сочные и нежные стебли трав, съедобные корни наливались соком, подснежники, ранние фиалки и весенние красавицы тянулись к тёплому блеску солнца, приглашая Нузак и Нееву на пир.

За двадцать лет своей жизни Нузак успела хорошо изучить все эти запахи: восхитительный аромат елей и сосен, резкий сладкий запах корневищ водяных лилий и сочных луковиц, поднимавшийся над оттаявшим болотцем у подножия холма, а главное – победный, всепоглощающий, преисполненный жизни запах самой земли.

Вдыхал эти запахи и Неева. Его ошеломлённое тельце впервые дрожало и трепетало от радостного волнения бытия. Ещё минуту назад он был окутан темнотой – и вдруг очутился в стране чудес, о существовании которой он и не подозревал. Эти несколько минут необычайно много поведали ему о дарах, припасённых для него матерью-природой. Он ещё ничего не знал, но в нём заговорил врождённый инстинкт: он понял, что этот мир создан для него, что солнце и тепло существуют для него и что сладостные запахи земли зовут его вступить во владение её плодами. Он сморщил бурый носишко, втянул ноздрями воздух и познал острое благоухание всего, что было приятным и желанным.

Кроме того, Неева внимательно прислушивался – его насторожённые ушки ловили музыку пробуждающейся земли.

Даже корни травы словно пели от радости, и всю залитую солнцем долину заполняла тихая бормочущая мелодия, свидетельствовавшая о том, что покой этого мирного края ещё не нарушен появлением человека. Повсюду раздавалось журчание бегущей воды, и Неева различал множество ещё незнакомых звуков, которые могли издавать только живые существа: чириканье воробьёв, серебристые трели малиновки внизу у болотца, пронзительный, радостный крик нарядной канадской сойки, отыскивающей место для гнезда в густой поросли бархатистых ёлок. А в бездонной высоте над его головой раздался резкий клёкот, от которого он вздрогнул: на сей раз инстинкт сказал ему, что это опасность. Нузак подняла голову и увидела тёмный силуэт: Упиок, огромный орёл, парил между землёй и солнцем. Неева тоже увидел этот кружащий силуэт и прижался к матери.

А Нузак, хотя она и была так стара, что потеряла половину зубов и стала хуже видеть, а в сырые холодные ночи все её кости ныли, всё-таки по-прежнему испытывала ликующую радость, когда смотрела вниз. Её мысли уносились далеко за пределы долины, над которой они проснулись. За стеной лесов, за самым дальним озером, за рекой и лугами лежали безграничные просторы, которые были её домом. И она различила глухой гул, который не уловили ушки Неевы, – еле слышный рёв большого водопада. Именно этот дальний голос вместе с журчанием тысяч стремительных ручейков, вместе с шелестом ветра в елях и соснах и создавал весеннюю музыку, наполнявшую тёплый воздух.

В конце концов Нузак шумно вздохнула, ласковым ворчанием позвала Нееву за собой и начала медленно спускаться по каменистому откосу.

В золотом омуте долины было ещё теплее, чем на гребне холма. Нузак направилась прямо к болотцу. Перед ними, затрепав крыльями, вспорхнула стайка рисовок, и Неева чуть не перекувыркнулась от неожиданности. Однако Нузак не обратила на них внимания. Гагара, увидев бесшумно ступающую медведицу, возмущённо крикнула, а затем испустила пронзительный крик, от которого у Неевы шерсть встала дыбом. Но Нузак не обратила никакого внимания и на гагару.

Неева всё это заметил. Он не спускал глаз с матери и, повинаясь инстинкту, готов был пуститься наутёк по первому её сигналу. И теперь в его круглой смешной головёнке быстро зрел вывод, что его мать – самое удивительное существо на свете. И уж, бесспорно, самое большое, то есть самое большое из всего, что живёт и движется. Он пребывал в этом убеждении минуты две, а потом они приблизились к болотцу. Раздалось громкое фырканье, треск ломающихся веток, чавканье грязи под мощными ногами, и гигантский лось, вдвое выше, чем Нузак, кинулся бежать прочь. Глаза у Неевы вылезли на лоб. А Нузак и на лося не обратила ни малейшего внимания!

И вот тут-то Неева сморщил носишко и рявкнул, как он рявкал на уши и патлатую шерсть Нузак в тёмной пещере и на палки, которые грыз там. Он вдруг понял замечательную вещь: ему можно было рявкать на всё, на что ему захотелось бы рявкнуть, пусть даже на самое большое. Потому что и те, кто был больше Нузак, его матери, всё равно убегали от неё.

Весь этот первый чудесный день Неева то и дело открывал что-то новое, и с каждым часом в нём крепла уверенность, что его мать – единовластная владычица всех этих залитых солнцем удивительных новых мест.

Нузак была заботливой старой матерью – за свою жизнь она вырастила чуть ли не два десятка медвежат, и в этот день она не стала уходить далеко от холма, чтобы дать время немного затвердеть нежным подошвам на лапках Неевы. Почти всё время они оставались около болотца и только заглянули в соседнюю чашу, где Нузак ободрала когтями молодое деревце, чтобы они могли полакомиться скрытой под корой сочной губчатой массой. Нееве очень понравился этот десерт после плотного обеда из луковиц и корней, и он попытался сам ободрать соседнее деревце. К вечеру Нузак наелась так, что её бока стали совсем круглыми, а Неева, который, кроме материнского молока, перепробовал множество новых и вкусных вещей, стал похож на готовый лопнуть гороховый стручок. Ленивая старая Нузак выбрала нагретый заходящим солнцем белый валун и прилегла возле него вздремнуть, а Неева отправился искать приключений в одиночку и вскоре столкнулся со свирепым жуком.

Это был гигантский рогач, дюйма два длиной. Его грозные челюсти были иссиня-чёрными и загибались, как железные крючья. Ярко-коричневые жёсткие крылья блестели на солнце, точно металлическая броня. Неева припал к земле и не сводил глаз с жука. Сердце его отчаянно билось. Жук был от него в двух шагах и... двигался прямо на него. Это озадачило и возмутило Нееву. Все остальные живые существа, встреченные в этот день, убегали от него, а жук не захотел! Рогач двигался вперёд, перебирая шестью ногами, и прищёлкивал – это прищёлкивание Неева расслышал очень хорошо. В медвежонке разыгралась воинственная кровь Суминитика, его отца, и он осторожно протянул вперёд лапу. В тот же момент Чегавассе, жук, преобразился самым страшным образом: его крылья загудели, как круговая пила, челюсти раскрылись так, что могли бы защемять палец взрослого мужчины, и он весь завибрировал, словно исполняя боевой танец.

Неева поспешно отдернул лапу, и несколько секунд спустя Чегавассе успокоился и... опять пошёл вперёд.

Неева, разумеется, не мог знать, что поле зрения жука не превышает четырёх дюймов¹, а потому совсем растерялся. Однако сын такого отца, как Суминитик, даже в возрасте девяти недель никак не мог уступить победу без боя. С мужеством отчаяния Неева снова протянул лапу, и, к несчастью для него, один из его маленьких коготков опрокинул Чегавассе на спину и прижал к земле так, что жук уже не мог ни гудеть, ни щёлкать. Медвежонка охватил неистовый восторг. Он принялся медленно-медленно подтягивать лапу к себе, и вскоре жук очутился прямо под его острыми зубками. И тут Неева понюхал свою добычу.

Чегавассе не упустил удобного случая. Мощные челюсти сомкнулись, и Нузак была внезапно разбужена отчаянным воплем. Она подняла голову и увидела, что Неева катается по земле словно в припадке. Он царапал землю, рычал и фыркал. Нузак несколько секунд задумчиво смотрела на сына, затем поднялась и направилась к нему. Большая материнская лапа перевернула Нееву на спину, и Нузак увидела, что в нос её отпрыска впился Чегавассе. Распластав Нееву на спине, так что он не мог пошевелиться, Нузак захватила жука зубами и принялась медленно их сжимать, пока Чегавассе не разжал челюсти. И тогда она его проглотила.

До самых сумерек Неева старался утишить боль в носу. Когда начало смеркаться, Нузак привалилась к большой скале, и Неева плотно поужинал. А потом он свернулся в изгибе её большой тёплой лапы, словно в уютном гнезде. Нос у него всё ещё побаливал, но медвежонка счастливее него не нашлось бы на всём свете: после своего первого дня в лесу он чувство-

---

¹ Дюйм – 2,54 сантиметра.

вал себя необыкновенно мужественным и бесстрашным, хотя от роду ему было всего девять недель. Он посмотрел мир, он увидел очень много нового и если не сумел победить жука, то всё равно показал себя с самой лучшей стороны.

Глава 2

В эту ночь Неева перенёс жестокий приступ «миступайю», или, проще говоря, у него сильно разболелся живот. Представьте себе, что младенец, привыкший только к материнскому молоку, вдруг накинется на бифштекс! А именно это и сделал Неева. Обычно такой переход к твёрдой пище происходит у медвежат постепенно и на месяц позже, но природа словно нарочно преподавала Нееве курс ускоренного обучения, как будто сознательно готовя его к той тяжкой и неравной борьбе, которая поджидала его в недалёком будущем. Несколько часов Неева вопил и хныкал, а Нузак массировала носом его вспученный животик; наконец его стошнило, и он почувствовал себя лучше.

После этого он крепко уснул. Когда же он проснулся и открыл глаза, их ослепило красное пламя. Накануне солнце весь день было золотое, сверкающее, далёкое, а теперь впервые он увидел, как оно встаёт над горизонтом весенним северным утром. Это солнце было алым, как кровь, и, пока Неева смотрел, оно быстро поднималось из-за края земли, так что вскоре его срезанный низ закруглился и оно превратилось в огромный непонятный шар. Сначала медвежонок подумал, что это какое-то живое существо, какое-то чудовище, которое подбирается к ним по вершинам деревьев, и с негромким визгом вопросительно покосился на мать. Однако Нузак ничуть не испугалась таинственного шара. Её большая голова была повёрнута к нему, и она довольно шурилась. В эту минуту и Неева ощутил приятное тепло, исходящее от алого шара, и, несмотря на пережитый испуг, блаженно заурчал. Вскоре солнце из алого снова стало золотым, и вся долина вновь наполнилась радостным биением жизни.

Ещё две недели после этого первого солнечного восхода, который довелось увидеть Нееве, Нузак оставалась возле гряды каменистых холмов и целыми днями бродила вокруг болотца. Затем, когда Нееве исполнилось одиннадцать недель, она обратила нос в сторону далёких чёрных лесов и отправилась в летние странствия. Подошвы Неевы заглубели, и он весил уже добрых шесть фунтов² – неплохая прибавка, если вспомнить, что в первый день его жизни его вес был меньше одного фунта.

Именно с того дня, как Нузак отправилась в свой поход, и начались настоящие приключения Неевы. В глухих таинственных чащах ещё попадались сугробы, даже не начинавшие таять, и первые два дня Неева всё время хныкал, тоскуя по солнечной долине. Они прошли мимо водопада, и Неева впервые узнал, с какой бешеной силой может мчаться вода. Всё темнее, мрачнее и глуше становился лес, по которому шла Нузак. В этом лесу Неева получил первые охотничьи уроки. Нузак уже далеко углубилась в низины между хребтом Джексона и водоразделом, с которого берут начало притоки Шаматтавы. Ранней весной эти места превращаются в настоящий медвежий рай.

---

² Фунт – 0,45 килограмма.

Когда Нузак не спала, она без устали разыскивала пищу: то копалась в земле, то переворачивала камни, то разламывала на мелкие кусочки гнилые стволы и пни. Любимым её лакомством были, несмотря на их малую величину, крохотные серые лесные мыши, и Неева только дивилась, видя, какими стремительными становились движения его старой, неуклюжей матери, когда ей попадался на глаза живой серый комочек. Иногда Нузак удавалось позавтракать целым выводком, прежде чем мыши успевали разбежаться. Кроме того, она поедала ещё по-зимнему сонных лягушек и жаб, муравьёв, которые валялись в древесной трухе скрюченные и неподвижные, а иногда и шмелей, шершней и ос. Неева, конечно, тоже перепробовал все эти медвежьи блюда. На третий день Нузак откопала большой смёрзшийся ком зимующих укусовых муравьёв. Ком этот был величиной в два кулака взрослого мужчины, и Неева вдосталь полакомилась кисловато-сладкими муравьями, которые показались ему удивительно вкусными.

По мере того как дни становились всё теплее, съедобные существа, прятаясь под камнями и валежником, оживали и уже сами выбирались на свет. Теперь Неева познал волнующую радость самостоятельной охоты. Он встретился ещё с одним жуком и убил его. Он поймал свою первую лесную мышь. В нём стремительно развивались черты характера, унаследованные от Суминитика, его старого забияки-отца, который жил через три долины к северу от них и никогда не упускал случая затеять драку. Когда Нееве исполнилось четыре месяца – это произошло в конце мая, – он спокойно ел пищу, которую ни за что не смогли бы переварить желудки большинства медвежат его возраста, и от кончика его нахального носишки до кончика короткого хвоста в нём не нашлось бы ни капли трусости. Он весил в это время девять фунтов и был чёрен как трубочист.

Однако в первую неделю июня произошло роковое событие, которое положило начало великой перемене в судьбе Неевы, и случилось оно в такой тёплый и ласковый солнечный день, что Нузак сразу же после обеда улеглась вздремнуть. К этому времени они уже выбрались из густых лесов и бродили по долине, в которой между длинных белых песчаных кос петляла по камушкам мелкая речушка. Нееве не спалось. У него не было никакого желания дремать в такой чудесный день. Он глядел на окружающий удивительный мир круглыми любопытными глазёнками и слышал его неумолчный манящий зов. Он посмотрел на мать и взвизгнул. Ему по опыту было известно, что Нузак будет лежать так много часов, если только он не куснёт её за пятку или за ухо. Но и тогда она только заворчит на него и снова погрузится в сон. Это ему надоело. Ему хотелось чего-нибудь более интересного, и со внезапной решимостью он в поисках приключений затрусил прочь от спящей Нузак.

В этом огромном золотисто-зелёном мире Неева был маленьким чёрным шариком, почти одинаковым в длину и в ширину. Он спустился к речке и поглядел через плечо. Отсюда он ещё видел Нузак. Потом его лапы погрузились в мягкий белый песок широкого пляжа, и он забыл про мать.

Дойдя до конца пляжа, медвежонок вскарабкался по зелёному откосу – молодая травка нежила его подошвы, как бархат. Тут он принялся переворачивать небольшие камни в поисках муравьёв. Потом он испугнул земляную белку и двадцать секунд гнался за ней, почти не отставая. Несколько минут спустя прямо перед его носом вспрыгнул большой кролик, и он помчался за ним, но Вапуз в десять длинных прыжков добрался до зарослей и скрылся в них. Неева сморщил нос и визгливо зарычал. Никогда ещё кровь Суминитика не бушевала в нём с такой силой. Ему не терпелось вцепиться во что-нибудь. Впервые в жизни ему хотелось подраться – всё равно с кем. Он был похож на мальчишку, который получил в подарок на Новый год боксёрские перчатки и не может найти себе противника. Неева присел на задние лапы и воинственно посмотрел по сторонам, всё ещё морща нос и вызываясь рыча. Он победил весь свет. Это он знал хорошо. Всё живое в мире боялось его матери. Всё живое в мире боялось его самого. И вот результат – юному храбрецу не с кем помериться силами. Было от чего прийти в бешенство! Мир оказался довольно пресной и скучноватой штукой.

Неева повернул в другую сторону, вышел к большому камню и вдруг застыл на месте.

Из-за дальнего конца камня торчала большая задняя лапа. Несколько секунд Неева созерцал эту могучую лапу, полный приятного предвкушения. Сейчас он так цапнет мать, что она уже больше не уснёт до самой ночи! Он заставит её окунуться в радость этого прекрасного дня или он будет не он! И Неева крадучись подобрался к лапе, выбрал удобную подушечку, не прикрытую шерстью, и погрузил в неё свои зубки до самых дёсен.

Раздался рёв, от которого содрогнулась земля. Следует упомянуть, что укушенная лапа принадлежала вовсе не Нузак, а была собственностью Макуза, старого свирепого медведя, всегда отличавшегося на редкость скверным характером. С возрастом он стал особенно зол и, в отличие от Нузак, утратил всякое добродушие и мягкость. Макуз вскочил на ноги, прежде чем Неева успел сообразить, какую он совершил ошибку. Старый медведь был не только угрюм и злобен – он к тому же особенно ненавидел медвежат. На своём веку он, случалось, и закусывал ими. Короче говоря, Макуз был «учаном» – так индейцы-охотники называют медведей-каннибалов, которые едят своих сородичей, и едва взгляд его налитых кровью глазок упал на Нееву, как он испустил новый рёв.

Тут Неева напряг свои толстые лапки и во весь дух пустился наутёк. Никогда ещё он не бегал так быстро. Инстинкт подсказывал ему, что наконец-то он встретил существо, которое его не боится, и что ему грозит смертельная опасность. Неева бежал, не выбирая направления, потому что ошибка, которую он допустил, совсем его ошеломила и он совершенно не представлял, где находится его мать. Позади него раздавался топот Макуза, и он испустил отчаянный вопль, исполненный ужаса и мольбы о помощи. Нузак, любящая, мужественная мать, услышала этот вопль. Она вскочила на ноги – и как раз вовремя. Из-за камня, около которого она спала, выскочил Неева, точно чёрное пушечное ядро, а в десяти шагах за ним бежал, настигая его, Макуз. Уголком глаза Неева заметил мать, но с разгона проскочил мимо. И тут Нузак бросилась на Макуза. Как регбист, прорывающийся с мячом, она всем весом своего тела ударила старого разбойника в рёбра, и два медведя покатались по земле в схватке, которая Нееве показалась чрезвычайно увлекательным и чудесным зрелищем.

Он остановился и начал наблюдать поединок своей матери с Макузом. Его выпуклые, как две луковички, глаза весело блестели. Всё утро он жаждал подраться, но то, что он увидел теперь, ввергло его в настоящий столбняк. Два медведя сцепились в смертельном объятии: они ревели, драли друг друга когтями и зубами, расшвыривая камешки и землю. Сначала преимущество было на стороне Нузак: её первый натиск оглушил Макуза, и теперь она стёртыми, сломанными зубами сжимала его горло, а мощными когтями задних лап рвала его шкуру, так что по бокам старого злодея ручьями стекала кровь, и он ревел как задыхающийся бык. Неева понял, что его преследователю приходится туго, и, возбуждённым визгом подбодряя мать, в надежде, что она задаст старому Макузу хорошую трёпку, он подбежал к месту схватки, сморщил нос, с яростным рычанием оскалил зубы и принялся возбуждённо приплясывать в пяти шагах от дерущихся, дух Суминитика гнал его в бой, но одновременно ему было страшно.

Затем в положении бойцов неожиданно произошла перемена, и Неева в растерянности понял, что начал торжествовать слишком рано. Макуз, как самец, естественно, был более опытен в драках: внезапно он вырвал горло из челюстей Нузак, подмял её под себя и в свою очередь принялся раздирать её бока с таким бешенством, что бедная старая медведица жалобно застонала, и сердце Неевы оледенело от ужаса.

Что испытывает маленький мальчик, видя, как его отец терпит поражение? Конечно, он бросится ему на выручку и пустит в ход первую попавшуюся под руку палку. Всякий ребёнок считает, что его родители – самые лучшие, самые умные, самые сильные люди на свете. А в Нееве было много общего с человеческими детёнышами. Чем громче вопила его мать, тем острее он ощущал, что происходит неслыханная катастрофа. А если старость и лишила Нузак былой силы, мощь её голоса осталась прежней, так что её рёв разносился, наверное, на целую милю. Неева не выдержал – ослепнув от ярости, он кинулся вперёд. Совершенно случайно

его крепкие маленькие челюсти сомкнулись на пальце именно Макуза, а не Нузак, но палец этот они пронзили как два ряда острых булавок. Макуз дёрнул лапой, но Неева только крепче сжал челюсти. Тогда Макуз подогнул укушенную лапу и брыкнул ею так резко, что Неева, несмотря на всю свою решимость не размыкать зубов, взлетел в воздух, точно камень, пущенный из пращи³. Описав крутую дугу, он стукнулся о валун шагах в десяти от дерущихся и был настолько оглушён, что несколько секунд никак не мог подняться на ноги. Наконец в глазах у него прояснилось, он поглядел на мать и на Макуза, и его сердце снова отчаянно забилося.

Макуз уже не дрался – он улепётывал с поляны во все лопатки, заметно припадая на заднюю лапу.

Бедная старая Нузак стояла пошатываясь и глядела вслед убегающему врагу. Она задыхалась, как загнанная лошадь. Её пасть была широко открыта, язык высунут. С её боков на землю стекали струйки крови. Макуз умело измял её и искалечил. С первого взгляда можно было увидеть, что она потерпела решительное поражение. Но великолепное зрелище обращённого в бегство врага заслонило от Неевы всё остальное. Макуз позорно покинул поле боя! Следовательно, побеждён был именно он. И, ликуяще повизгивая, Неева кинулся к матери.

---

³ Праща – древнее метательное оружие.

Глава 3

Они стояли облитые жарким солнцем июньского дня и смотрели, как Макуз торопливо взбирается на откос по ту сторону речки. В эту минуту Неева чувствовал себя старым закалённым бойцом, а вовсе не пузатым медвежонком с круглой мордочкой, которому едва исполнилось четыре месяца и который весит не четыреста фунтов, а всего девять.

Однако после того, как Неева сжал свирепыми зубками нежный палец Макуза, прошло ещё немало времени, прежде чем Нузак настолько отдышалась, что смогла издать глухое ворчание. Её бока раздувались, как кузнечные мехи, и, когда Макуз исчез в зарослях на другом берегу речки, Неева присел на толстые задние лапы, насторожил смешные круглые ушки и обеспокоенно уставился на мать круглыми блестящими глазами. Нузак с хриплым стоном повернулась и медленно побрела к большому валуну, возле которого она спала, когда её разбудили панические вопли Неевы. Ей казалось, что все её старые кости перебиты или вывихнуты. Она брела хромая, припадая к земле и постанывая, а позади неё по зелёной траве тянулись цепочки кровавых пятен. Макуз отделал её самым беспощадным образом.

Нузак со стоном легла и поглядела на Нееву, словно говоря: «Если бы не твои проказы, старый разбойник не взбесился бы и ничего этого не произошло бы! А теперь только погляди, что случилось со мной!»

Молодой медведь быстро оправился бы после подобной драки, но Нузак пролежала без движения весь вечер и всю ночь. А такой красивой ночи Неева ещё не видел. Теперь, когда ночи стали тёплыми, он полюбил луну ещё больше, чем любил солнце, потому что по своей природе, по всем своим инстинктам был более ночным бродягой, чем дневным охотником. Луна встала на востоке в золотистом ореоле. Купы елей и сосен казались тёмными островками в море серебряного света, а речка, петляя по озарённой лунной долине, блестела и прыгала по камням, словно живое существо. Но Неева хорошо запомнил преподанный ему урок, и, как ни манили его луна и звёзды, он только теснее прижимался к матери, слушал доносившийся до него прихотливый хор ночных голосов и не двигался с места.

Когда забрезжил рассвет, Нузак встала, тихим ворчанием приказала Нееве следовать за собой и начала медленно подниматься по склону к озарённому солнцем гребню. Ей вовсе не хотелось двигаться, но где-то в глубине её сердца прятался страх, что злобный старый Макуз

вернётся, – она понимала, что теперь он легко с ней справится, а потом позавтракает Неевой. Вот почему она принудила себя перебраться через гребень, пересечь ещё одну долину и сквозь узкую, похожую на дверь расселину выбраться в просторы холмистой равнины, где среди еловых и кедровых лесов на лугах блестели озёра. Всю прошлую неделю Нузак неторопливо направлялась к одной из речек на этой равнине, а теперь, подгоняемая маячившей сзади грозной тенью Макуза, она трусила без отдыха, и короткие толстые лапки Неевы подгибались от усталости.

До речки они добрались далеко за полдень, и Неева был так измучен, что еле взобрался на ёлку, на которую мать послала его вздремнуть. Отыскав удобный развилоч, он крепко уснул, а Нузак спустилась к воде, чтобы заняться рыбной ловлей. Речка кишела чукучанами⁴, которые после метания икры не сумели выбраться через отмели, и час спустя Нузак уже устлала рыбами весь берег. Когда с наступлением сумерек Неева покинул свою воздушную колыбель, его ждал роскошный ужин, а сама Нузак успела наесться так, что стала похожа на бочку. Неева впервые в жизни попробовал рыбу. И после этого он целую неделю наслаждался этим изысканным лакомством. Он ел рыбу утром, днём и вечером, а когда был уже не в силах проглотить ни кусочка, то валялся на рыбах как на матрасе. И Нузак тоже обжиралась рыбой – казалось, шкура на ней вот-вот лопнет. Куда бы они ни шли, они несли с собой рыбный запах, который день ото дня становился всё более резким и потому всё больше нравился Нееве и его матери. Неева опять начал походить на перезрелый стручок. За эту неделю рыбных пиршеств он прибавил три фунта. Сосать материнское молоко ему уже больше не приходилось, потому что Нузак была слишком стара и молоко у неё совсем иссякло.

Под вечер восьмого дня Неева и его мать улеглись на краю травянистой лужайки, чтобы хорошенько поспать после дневного обжорства. Во всех здешних местах не сыскать было медведицы счастливей старой Нузак. Теперь ей уже не приходилось с утра до ночи отыскивать пищу – бочаги⁵ речки хранили неисчерпаемые запасы вкуснейшей еды, и никакой другой медведь не посягал на её владения. Она полагала, что может рассчитывать на безмятежное существование в своих богатых охотничьих угодьях, пока речка не вздуется от летних гроз, а к тому времени должны были поспеть ягоды. И Неева, счастливый маленький гурман, сладко дремал рядом с ней.

Но в этот самый день, освещённый лучами того же самого заката, милях⁶ в пяти-шести ниже по речке какой-то человек, стоя на четвереньках, рассматривал полосу влажного песка. Его закатанные к самым плечам рукава открывали тёмные от загара руки. Шляпы на нём не было, и вечерний ветерок взлохмачивал густую гриву белокурых волос, которые вот уже девять месяцев подравнивались только с помощью охотничьего ножа.

С одного бока этого человека стояло жестяное ведро, а с другого, глядя на человека с неутолимым любопытством, сидел такой некрасивый и такой симпатичный щенок, какой только мог родиться от отца – гончей маккензи – и матери, в жилах которой текла кровь эрдель-терьера и шпица.

Результат подобного смешения мог быть лишь просто дворнягой. Его вытянутый на песке хвост был очень длинным, с узлом на каждом суставе; лапы, крупные, точно ступни долгового подростка, ходили на миниатюрные боксёрские перчатки; голова у него была в три раза больше, чем полагалось бы по такому туловищу, а к тому же на помощь природе в её творческих усилиях пришёл несчастный случай, лишивший этот шедевр половины уха. Уцелевшая половина в эту минуту стояла торчком, а другое, целое, ухо загибалось вперёд, выражая неистовый интерес к тому, чем занимался хозяин. Голову, лапы и хвост щенок унаследовал от отца-мак-

⁴ Чукучан – пресноводная рыба, распространённая в Северной Америке.

⁵ Бочаг – глубокое место в реке.

⁶ Милья – 1,61 километра.

кензи, но его уши и худое поджарое тело возникли в результате битвы, разыгравшейся между кровью шпица и кровью эрдельтерьера. Добавьте ко всему этому детскую неуклюжесть, и вы получите такого щенка-дворняжку, какого нелегко отыскать даже в трущобах большого города.

Впервые за несколько минут хозяин нарушил молчание, и Мики завилял всем телом, от кончика хвоста до кончика носа, в восторге от того, что эти слова были обращены непосредственно к нему.

– Это медведица с медвежонком, Мики, можешь не сомневаться, – сказал хозяин. – И если я хоть как-то разбираюсь в медвежьих повадках, они провели тут добрую часть дня.

Он поднялся на ноги, поглядел на сгущающийся сумрак у лесной опушки и набрал в ведро воды. Последние лучи солнца на несколько секунд озарили его лицо – волевое и весёлое. Сразу было видно, что в этом человеке ключом бьёт радость жизни. А теперь к тому же ему в голову пришла счастливая мысль, и в его глазах сверкали не только отблески заката, когда он добавил:

– Мики, я везу тебя, нескладёныша, к моей девчухе, потому что ты – неотполированный алмаз добродушия и красоты и за это она непременно тебя полюбит. Уж это-то я знаю твёрдо, недаром она – моя сестра. Так вот: если вместе с тобой я прихвачу ещё и медвежонка...

Насвистывая, он понёс ведро к еловой поросли шагах в сорока от них. Мики следовал за ним по пятам.

Чэллонер, недавно назначенный на одну из факторий⁷ Компании Гудзонова залива, устроил свой лагерь на берегу озера, неподалёку от устья речки. Это был самый простенький лагерь: заплатанная палатка, выдавший виды челнок и кучка пожитков. Но взгляду опытного лесовика стоянка Чэллонера, озарённая последними отблесками заката, сказала бы очень много. Он увидел бы снаряжение мужественного человека, который побывал на самом краю света и теперь возвращался с тем, что ещё уцелело. Чэллонер испытывал почти дружескую теплоту к этим остаткам вещей, которые почти год помогали ему бороться с трудностями и лишениями. Челнок покособился, был в нескольких местах пробит и хранил следы многочисленных починок; бури и дым костров так вычернили палатку, что цветом она больше всего напоминала древесный уголь, а сумки для провизии были почти пусты.

Над костром, к которому он вернулся с Мики, что-то ворчало и бурлило в котелке и на сковородке, а рядом с костром, в помятой и кое-как выправленной железной духовке, уже покрылся аппетитной коричневой корочкой пресный хлебец из муки, замешенной на воде. В котелке бурлил кофе, а на сковородке жарилась рыба.

Мики присел на костлявые задние лапы, упиваясь благоуханием рыбы. Он уже давно открыл, что предвкушение еды приносит почти столько же удовольствия, как и сама еда.

---

⁷ Фактория – торговое поселение, образованное иностранными купцами на территории другого государства или колонии.

Щенок внимательно следил за Чэллонером, завершавшим последние приготовления к ужину, и его глаза блестели как два рубина. Каждые две-три секунды он облизывался и слизывал голодную слюну. Мики потому и получил свою кличку, что постоянно был голоден и как будто ничуть не насыщался, каким бы обильным обедом его ни угощали. Казалось, живот его всегда был пуст, как барабан, а «мики» на языке индейцев кри и значит «барабан».

Когда они съели рыбу и хлебец, Чэллонер закурил трубку и только после этого заговорил о своих намерениях.

– Завтра я выслежу эту медведицу, – сказал он.

Мики, который свернулся в клубок возле угасающих углей, сильно ударил хвостом по земле, показывая, что он внимательно слушает.

– Я думаю подарить девчужке не только тебя, а ещё и медвежонка. Вот она обрадуется!

Мики снова забил хвостом, словно говоря: «Ну и отлично!»

– Нет, ты только подумай! – продолжал Чэллонер, глядя через голову Мики на родной дом, от которого его отделяла добрая тысяча миль. – Прошло уже четырнадцать месяцев, и мы наконец возвращаемся к себе домой. Я и тебя, и медвежонка обучу всему, что положено, чтобы вы не осрамились перед моей сестричкой. Тебе это придётся по вкусу, верно? Ты её не знаешь, а то бы ты сейчас не сидел, уставясь на меня, точно деревянная игрушка! И где тебе, глупышу, вообразить, какая она красавица! Вот ты видел сегодняшний закат? Так она ещё красивее, и я говорю это не потому, что она мне сестра. Хочешь что-нибудь добавить, Мики? Нет? Ну так позвольте пожелать вам спокойной ночи. Пора и на боковую.

Чэллонер встал и потянулся так, что у него затрещали кости. Его переполняла радость бытия.

Мики перестал стучать хвостом, тоже поднялся на свои неуклюжие лапы и последовал за хозяином в палатку.

Ранний летний серый рассвет только-только занимался, когда Чэллонер вылез из палатки и раздул костёр. Мики выбрался наружу через несколько минут после хозяина, и тот обвязал его шею истёртой верёвкой, а другой конец верёвки обмотал вокруг молодого деревца и туго затянул узел. Другую такую же верёвку Чэллонер привязал к углам продовольственной сумки, чтобы её можно было надеть на плечи как рюкзак. Едва небо порозовело, он уже отправился выслеживать Нузак и Нееву. Мики, обнаружив, что его оставили одного в лагере, отчаянно заскулил, и когда Чэллонер оглянулся, он увидел, что щенок рвётся с привязи так отчаянно, что то и дело кувыркается через голову. Только отойдя на целую четверть мили, Чэллонер наконец перестал слышать протестующие вопли Мики.

Чэллонер отправился на эту охоту не только ради удовольствия и не только потому, что ему захотелось, кроме Мики, обзавестись ещё и медвежонком. Запас мяса у него кончился, а медвежати́на в эту пору года бывает очень вкусной. А главное, ему совершенно необходимо было пополнить запас жира. Если удастся подстрелить эту медведицу, думал он, то до конца пути можно будет не тратить время на охоту, а это сэкономит ему несколько дней.

Только в восемь часов Чэллонер наконец обнаружил, несомненно, свежие следы Нузак и Неевы. У этого мыска Нузак ловила рыбу дней пять-шесть назад, и накануне они вернулись сюда, чтобы полакомиться «дозревшей» добычей. Чэллонер обрадовался. Он не сомневался, что найдёт медведицу где-нибудь чуть выше по речке. Ветер дул ему навстречу, и он начал осторожно пробираться вперёд, держа ружьё наготове. Он шёл неторопливым, ровным шагом около часа, внимательно прислушиваясь ко всем звукам, доносившимся из зарослей перед ним, и стараясь не упустить в них ни одного подозрительного движения. Время от времени он облизывал палец и поднимал его вверх, проверяя, не переменял ли ветер направления. В сущности, эта охота не требовала особой хитрости. Всё и так складывалось в пользу Чэллонера.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.